

МАРИТА МОВИНА-МАЙОРОВА

О, эта проза Жизни!

Марита Мовина-Майорова

О, эта проза Жизни!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36626492

ISBN 9785449309785

Аннотация

«— Стой! Стрелять буду! По пятам за ним гналась сама Смерть. Он чувствовал, даже, кажется – слышал, как вокруг него свистят пули. Смерть гналась за ним, но жажда жизни подгоняла его ещё сильнее. И ему уже казалось, что это не пули свистят, а от сумасшедшей скорости его бега – ветер, бьющий в лицо. Казалось, что свист ветра в ушах заглушает все другие звуки. Но он ЗНАЛ – это продолжала свистеть свинцовая Смерть». Отрывок из рассказа «Крутой поворот».

Содержание

КРУТОЙ ПОВОРОТ. От первого лица...	7
Буду худеть!	7
Очищение от скверны	29
Возьми лопату! – или – Вот были мужики!	53
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

О, эта проза Жизни!

Марита Мовина-Майорова

«О, ЭТА ПРОЗА ЖИЗНИ!» – первый сборник рассказов в серии «ПОГОВОРИМ?..» – изначально был представлен на Московской Международной Книжной выставке-ярмарке в сентябре 2018 года и сразу стал хитом продаж (по версии издательства Ridero). Затем была Международная ярмарка интеллектуальной литературы non/fiction №20 (ноябрь – декабрь 2018, Москва), где сборник также пользовался успехом и получил заслуженное признание.

Иллюстратор М. Мовина-Майорова

Редактор Б. Майоров

Дизайнер обложки Рисунок для обложки выполнен автором сборника Маритой Мовиной-Майоровой

© Марита Мовина-Майорова, 2021

© М. Мовина-Майорова, иллюстрации, 2021

© Рисунок для обложки выполнен автором сборника Маритой Мовиной-Майоровой, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4493-0978-5

КРУТОЙ ПОВОРОТ.

От первого лица...

Буду худеть!

Уже много лет мне не удавалось справиться с какой-то странной и, можно сказать, необъяснимой проблемой моего организма.

Эта проблема возникла не сразу, а как-то подспудно про-бывала себе дорогу несколько лет.

А началось всё так.

...Как-то по осени, я ни с того ни с сего и ни по какой видимой причине, начала поправляться.

С неприятным удивлением наблюдала я за набором веса.

Что делать?

Первое, что пришло в голову – быстренько отказалась от сладкого-мучного, потом – от жирного-солёного.

Безрезультатно!

Добавила к этому упражнения всякие-разные.

Эффект тот же – ничего!

Наконец начала ходить пешком по целому часу каждый день.

Бесполезно – ничего не помогало! ничего!

И тут я вспомнила Вальку...

1.

За окном вагона мелькали питерские болота и худосочные кустики. Поезд уже выбрался из стеклобетонных построек города и скорым ходом продвигался в сторону... – я ехала в Литву.

Не была я там с того времени, как появились границы между, до того – очень братскими – союзными республиками, то есть – лет эдак двадцать.

Что я там хотела увидеть или найти сейчас – мне самой было непонятно. Но, как магнитом, все эти годы меня тянуло туда – в такую далёкую теперь – зарубежную – страну. Никаких связей с бывшими одноклассниками у меня не осталось. Интернет я не признавала, социальные сети и скайп – тоже. Живое общение, или, уж, в крайнем случае, письма. Но не интернет. И потому я понятия не имела, что и как там у школьных друзей, из тех, понятно, что остались в Литве после развала бывшей многонациональной нашей Родины – Советского Союза.

Итак, ехала я в Литву. Отстояла для начала в волнующейся очереди у литовского консульства, заполнила нервной рукой (чтобы, не дай бог! не ошибиться) все бланки, сфотографировалась и уплатила страховой взнос.

Не первый раз я ехала за границу и оформляла докумен-

ты, но так как в этот раз – никогда ни волновалась. Может оттого, что в очереди тоже волновались, обсуждая двойное гражданство, которое сначала дали в Литве, теперь отменили. А может, некоторые, из стоявших в очереди, тоже, как и я, первый раз за последние десятилетия собирались к себе на родину, как не известно – куда, и тоже волновались.

...Ехала я в купе с тремя литовками. Те всю дорогу быстро-быстро, как кажется всякому непонимающему чужой язык, разговаривали между собой. Почти ничего я не понимала, но, похоже, обе они были в Питере не просто так, а «за товаром» и, к тому же – из одной деревни под Вильнюсом. Мне даже показалось, что название деревни вспомнила.

Сидела я молча, поджав под себя ноги, и до самых потёмок мирно глядела в окно. Ближе к вечеру за ним стали появляться более густые заросли, а рано утром, когда открыла глаза, потому что снова, по-литовски, затараторили попутчицы, за окном уже проплывали так любимые мною с детства могучие ели и стройные высокие сосны.

Литовки начали собираться, и я вышла в коридор, чтобы не мешать.

Как же любила я эти пейзажи! Как же скучала по ним столько лет! А Тамарка ещё говорила: «Подумаешь, Литва! Вон под Питером сколько лесов! Они, что, не такие, как твои любимые? Очень даже красивые!»

Понятное дело: всякий кулик своё болото хвалит. А Та-

марка выросла на этих болотах. Может, где и были леса, а они, конечно, были, особенно в сторону Сиверской и под Лугой, но не те они были, не те! И когда кто-то из Питерских знакомых, так же, как и Тамарка, не понимая моей привязанности к природе Литвы и зачарованности тамошними лесами, говорил почти что словами Тамарки, всегда вспоминала я где-то прочитанное и отвечала:

– Леса-то, может, и похожи... да мои шумят по-другому.

На этом обсуждение красот лесов заканчивалось, как я понимала – за неимением у оппонентов чего мне возразить.

И вот стояла я в коридоре и услаждала глаза и сердце лесными красотами. Сосновый лес просматривался насквозь, и между стройными высокими деревьями далеко было видно всё лесное пространство. Даже отсюда, из вагона, через стекло окна ощущалась терпкая сухость воздуха и его чистота! Нет! Я просто знала это. Я знала и не забыла, как пахнет сосновый лес летом, какой у него изумительный аромат зимой, как тихонько пощёлкивает и похрустывает под ногами игольчатый сосновый настил, как осыпается белый-белый песок с пригорков, обнажая корни деревьев, а они высятся, могучие, и продолжают жить.

Так я и простояла, глядя в окно, до самого Вильнюса, а оттуда до своего городка доехала на маршрутке. Маршрутка! Это было совсем неожиданно – ведь когда-то даже из столичных городов прямо в наш городок можно было ехать на поезде. Теперь, как оказалось, больше никакие поезда туда не хо-

дили... Даже из Вильнюса.

Короче, приехала я в свой маленький уютный городок на берегу не очень широкой, но заставляющей всегда биться моё сердце чаще, даже при воспоминании о ней, реки. Её ещё отчего-то иногда называли «седой». Из-за лесов прибрежных, отражавшихся в её водах, должно быть.

Так вот – приехала я, и в первый же день по приезде, на центральной улице встретила свою бывшую одноклассницу. Это был подарок, явно ниспосланный мне свыше! Ведь до этого часа два я обходила дома на знакомой улице, где в своё время жила и я, и эта одноклассница. Два часа – потому что адрес насмерть забыла. Я нажимала на дверные звонки в те квартиры, в которых, как мне казалось, должна была та проживать, но из этого ничего не получалось: мне открывали совершенно незнакомые люди, и настороженно глядя в ответ на мою русскую речь, очень неохотно произносили на ломаном русском – нет, такая здесь не живёт и никогда не жила. Постепенно меня начало охватывать уныние.

И вот подарок – навстречу мне шла сама Ирка Тишкина!

Конечно, в этой пожилой, немного располневшей женщине, я сразу узнала свою бывшую одноклассницу! Во-первых, Ирка сейчас была точной копией своей мамы, когда её мама была в том возрасте, в котором Ирка находилась сейчас, а во-вторых, потому что всё-таки ожидала встретить кого-то из своих бывших.

Ирка попыталась пройти мимо улыбавшейся ей во весь

рот незнакомой и тоже пожилой женщины, но та заступила ей дорогу и произнесла призывно и очень фамильярно:

– Ирка! Не узнаешь?

Ирка запнулась на полушаге и недоуменно уставилась на меня. При этом глаза её из-под оправы очков глядели испуганно, отчего слегка округлились и стали слегка косить.

Так мы стояли на небольшом расстоянии друг от друга, как две незнакомые кошки, встретившиеся на узенькой тропинке. Только одна из кошек – я – была подозрительно для другой кошки дружелюбной.

И тут, видимо, не узрев большой для себя опасности и словно проснувшись, Ирка встрепенулась, поперхнулась и сконфуженно выдавила из себя как-то не очень радостно:

– Мирка?.. ты?

– Ну, слава богу! Конечно я!

И тут мы обе одновременно кинулись друг другу на шею...

Потом Ирка отвела меня к себе домой, и оказалось, что до этого я ломилась в квартиры соседних домов.

Потом мы сели за круглый, давнишний, со школьных лет знакомый мне обеденный стол в малюсенькой гостиной, и Ирка много чего рассказала про своё житьё-бытьё в пост-перестроечной независимой Литве. С её слов, на самом деле не так уж плохо, им, оставшимся здесь русским, жилось. Да и выглядела она совсем по-европейски: стильные брюки, лаковые туфли на невысоком каблукке, строгая кофточка без

рюшей; на носу сидели дорогие очки в модной оправе, и ей не надо было их всё время поправлять, как в прежние времена другие очки, чтобы они постоянно не сползали на нос. Даже осанка у Ирки изменилась – стала прямой, и тоже, кажется, очень независимой. Угощала она тоже по-европейски – без излишеств.

Во всём остальном это была всё та же веснушчатая Ирка Тишкина с чуть косившими, и оттого казавшимися озорными, карими в крапинку глазами. Когда мы вдоволь наговорились, Ирка спохватилась и заявила, что мне надо обязательно встретиться с Валькой Зернец, потому как Валька, в общем-то, и есть одна из немногих их одноклассниц, что остались здесь.

– И другие наши ребята, конечно, есть, – как бы вскользь, всё же пояснила она, – Стасик, например. Но он бизнесменом заделался, особо с ним не задружишься. Яська тоже здесь. Но та полька по всем статьям стала, и к ней тоже за просто не подойдёшь. Райка в Поречье обосновалась. Но Поречье теперь Беларусь. Сложно с визой туда.

Она замолчала, многозначительно поглядев на меня. Мне захотелось спросить, почему сложно, но Ирка, видимо, решила, что здесь и так всё ясно (дорого очень), продолжила:

– Как-то разбрелись все – кто куда... – Она аккуратно, опять же как-то по-европейски сдержанно, без сожаления, вздохнула. – У всех свои дела и заботы, да и в школе с теми, другими, ни я, ни ты, ведь в особой дружбе не находились.

По её интонации и выражению лица я поняла, что действительно – «у всех свои дела и заботы», и что если до приезда сюда я надеялась, что встреча с одноклассниками произойдёт ровно в том ключе, в каком эти встречи проходили в наши давние молодые годы, так это я очень даже ошибалась. Видимо, независимость Литвы и её европеизация оказали некое воздействие и на наше дружное школьное сообщество.

– Да, Ира, времена поменялись в корне. И мы, конечно, меняемся, – без ложной грусти произнесла я. – Да ладно! Звони Вальке! Назначай встречу!

2.

Высокая и очень худая пожилая женщина с большой копной седых волос шла мне навстречу по бывшей лесной просеке, которая за прошедшие двадцать лет превратилась в широкую, вымощенную всё той же европейской плиткой, которой мостили и улицы в Питере, дорожку. Теперь бывшая лесная просека вела через лес не на какую-то там заброшенную окраину городка, а в большой жилой район, построенный там в восьмидесятые годы, и куда переселили очень многих жителей городка из центра и из частных домов с окраин – всё освободили для туристов и отдыхающих.

Женщина шла прогулочным шагом и вела на поводке маленькую и тощую (не потому что – некормленную, а по по-

роде) собачонку. Конечно, мне сразу стало понятно, что это Валька, хотя пышная седая шевелюра поначалу меня несколько и смутила. Однако, кроме этой «дамы с собачкой» в назначенное здесь для встречи время больше никого сейчас не было.

Да, это была Валька.

Валька и собачка! Это *уже* выглядело странно: никогда прежде Валька не была замечена в любви и даже симпатии к животным.

«Вот что время и наступающая старость с человеком сделать могут!» – подивилась про себя я и сразу же, приветствуя подругу, радостно и громко заговорила по-литовски, конечно же, путая слова и искажая окончания, хотя вот уже как два года ходила в центр литовской культуры и прилежно изучала литовский язык, который в своё время не доучила здесь, в школе. При этом, я совсем не сомневалась, что Валька тоже поймёт, что перед ней её бывшая близкая подруга Мирка.

Так и произошло: Валька узнала меня. Но не радостно, а с долей ехидства, однако безобидно, как и в былые времена, заключила, подходя:

– Не очень-то у тебя получается!

Я стушевалась, поскольку по простоте душевной считала, что уж близкая подруга оценит мой литовский – всё же больше двадцати лет я не была в Литве. Кроме того, очень хотелось мне произвести впечатление именно на Вальку – это ведь она в школьные времена была для меня примером

мудрости, стойкости, принципиальности и непогрешимости во всём. Мне иногда тогда даже казалось, что Валька старше меня, хотя та была на полгода младше. Валька была рассудительной, неспешной и, как было отмечено выше – мудрой. Это она тогда, в юности, говорила, что мне нужен очень сильный, с характером парень, иначе ничего в её, Миркиной, то есть – в моей – жизни не сложится. Сама Валька никогда ни в кого, в отличие от меня, влюбчивой, не влюблялась, с парнями водилась только в спортивном плане и вела себя так, словно ей вообще начхать на все эти вздохи-ахи и прочую девчоночью ерунду. У неё, мол, жизненная миссия покруче и поважнее вздохов при луне – она собиралась стать знаменитым модельером и мужем не обзаводиться – только ребёнком. На этой волне я долго, аж до самой своей свадьбы, принципиально считала, что мужа у меня тоже не будет – одни дети.

Ну, и вот – слушала я её тогда, открыв рот, и восторгалась Валькой не по-детски! У меня-то как раз всё было наоборот: и смешливая, и, по словам матери, – ветреная, и неусидчивая, и влюбчивая, и... в общем, ничего стоящего и путного из меня выйти по жизни не должно. Совсем другое дело – Валька..! Валька – это да!

И вот Валька, видимо, памятуя ту нашу неравную дружбу, сейчас насмешливо глядела на меня. И я, вот честное слово! стушевалась. Но тут же оправилась и быстренько перевела всё в шутку: с расстроенных чувств встречу начинать не хо-

телось – характер у меня такой – дружелюбный, сама бы я никогда другого не обидела и насмехаться ни над кем не стала.

– Да ладно тебе, Валька! Не видишь, что ли, что дурачусь я.

Говорить о том, что вот уже два года доучиваю литовский язык, не захотелось, и потому, улыбаясь, продолжила:

– Конечно, ты-то уже двадцать лет по-литовски должна говорить, иначе ведь тебе здесь никак, я понимаю. Куда же мне с тобой тягаться! Вот и Ирка молодец! Освоили вы этот язык. А я – так – балуюсь. – Обниматься-целоваться с бывшей подругой, как при встрече с Иркой, мне вдруг почему-то расхотелось.

– Пойдём, прогуляемся. Чуньку заодно выгуляем. Потом ко мне зайдём, посмотришь, как живу, – совсем обыденно, словно и не было двадцати лет разлуки, кинула Валька.

Я бросила взгляд на дрожавшую неизвестно отчего крохотную собачонку и подумала: «Да уж, собачище! Такую обязательно выгуливать надо, а то она на горшок дома сходить не может». Совсем не присущ мне цинизм в отношении животных, но и не свойственно мне сюсюканье с ними. А кроме того, не заметно было, чтобы и Валька очень уж трепетала сердцем в отношении собачонки.

– Конечно, пойдём прогуляемся. Хорошо тебе здесь жить: и лес, и река рядом. Вот и собачку есть, где выгуливать. Не то что у нас в Питере – все тротуары и газоны загажены.

Валька без слов согласно кивнула, видимо, понимая проблему мегаполиса, и потянула за поводок.

И мы пошли по бывшей просеке в сторону новостроек, где теперь жила моя бывшая подруга.

Квартирка была двухкомнатная, и хотя небольшая, но просторная. Ничто не захламляло её пространство, а на большом балконе – почти лоджии – стояли вынесенные из комнат горшки с кактусами. Их было огромное множество, и я с удивлением спросила:

– Как ты умудряешься их выращивать? Я попробовала один раз, они у меня все усохли или сгнили.

Валька по-учительски строго посмотрела на меня и с достоинством, делая упор на назидательность, ответила:

– Так *уметь* же надо. Видишь, на балкон на лето выношу горшки, закаляю. Ну и всякое такое. Чего я тебе рассказывать буду, ты же всё равно не будешь этим заниматься.

Пришлось про себя с этим согласиться, потому я просто промолчала.

Бывшая закадычная подруга была не очень многословна, угощение тоже было, опять же, по-европейски упорядоченным, но я и не собиралась никого объедать, хотя под ложечкой уже сосало. Но решила потерпеть, надеясь «после гостей» зайти в магазин, закупить всяких-разных литовских сыров и колбас, чудесного молока и главное – литовского ржаного хлеба с тмином, а потом со всем этим богатством пойти в лес, на берег реки и там уж вовсю «оторваться»!

А сейчас, как говорится, «и на том спасибо!»

Разговор чуть оживился после того, как Чунька начала прыгать на стол, а Валька строгим голосом принялась её воспитывать. Я поинтересовалась собачонкой – кто она и откуда, узнала, что собачонку эту всучила на воспитание ей сестра Лидия.

Я хорошо помнила эту худую и остроносо-длинноно-ую Лидию, очень намного даже старшую сестру Вальки, которая всегда – в те давнишние школьные наши времена – была занята чем-то и на самом деле была очень доброй и приветливой. По вечерам, когда мы с Валькой сидели, уютно устроившись на панцирной, много чего повидавшей промятой кровати, и говорили «за жизнь», напротив нас, на такой же старенькой и промятой кровати, сидела Лида и что-то шила. Помнится, это были тряпичные куклы в национальных литовских костюмах – маленькие и очень натуральные, – которые она сдавала в местный сувенирный магазин, и таким образом помогала отцу прокормить довольно большую их семью – мама занималась хозяйством. Лида никогда не вступала с нами в разговор и, кажется, даже не слышала, о чем мы с Валькой вели наши душевные беседы.

Так вот, Валька взяла собачонку на воспитание у Лидии, поскольку её, Валькин сын, умница-разумница, (замуж она всё-таки вышла, но десять лет назад мужа похоронила), толковый программист, получил по контракту в Германии хорошую работу. Поработал, да так и остался – женился на нем-

ке. Он регулярно звонил матери и присылал материальную помощь – европейских пенсий на прожитьё было маловато, – об этом мне и Ирка мимоходом посетовала.

– Ну, а как в общем и целом жизнь? Ты-то здесь не одна, всё-таки – Лида рядом.

– А что Лидка? У неё своя семья. Забот полон рот. Здоровье не ахти какое – помнишь ведь, всегда она вкалывала.

– Помню, конечно... А у тебя со здоровьем как?

Валька на минуту задумалась и неохотно произнесла:

– Не очень у меня со здоровьем...

– А что так, серьёзное что-то?

– Как сказать... серьёзного ничего нет. Да только... у меня... давление, что ли, врачи говорят... Вот таблетки, пока простые совсем, выписали, чтобы жидкость в организме не скапливалась – мочегонные. Похудела я на них, а до того полная была. Теперь легче и ходить, и дела домашние делать стало...

Я напряглась, и внутри у меня мгновенно поднялось ощущение к подруге. Мне сразу стало жалко Вальку и не захотелось больше расспрашивать ту ни о чём.

В это время Чунька снова попыталась прыгнуть на стол.

– Ну что ты с ней будешь делать? – не столько мне, сколько собачонке, совсем без эмоций сказала Валька. – Но с другой стороны – мне веселее, – уже адресуясь ко мне, добавила она. – Когда сын уехал – скучала. Но теперь и почта электронная быстрая, и скайп – почти каждый день звонит.

Я обрадовалась, что тема с болезнями исчерпана.

– А тебя к себе не зовёт?

– Зовёт. Но мне это надо? У меня здесь квартира своя: что хочу, то и делаю. В городе нашем всё мне знакомо – вот и в церковь нашу хожу, в хоре пою. А там что я делать буду? Вместе с ними обтираться? Не надо мне этого. Вот если совсем худо станет, тогда посмотрю. А сейчас – нет.

Слушала я её и снова, как всегда, когда слышала, что кого-то жить за границу зовут, или на работу какую туда приглашают, или замуж – те не хотят, причины всякие себе придумывают, – сокрушалась про себя: вот если бы ей кто предложил, особенно, если сын родной, за границей жить, или просто пожить – она бы даже в свои немолодые годы поехала бы. Поехала бы! А что? Пожить и посмотреть на то, как другие люди живут, язык другой узнать, кухню даже другую изучить и попробовать – и то интересно. А тут тебя сын родной зовёт – «не хочу». Хотя... может, какие отношения с невесткой неладились? Кто знает.

Но уточнять ничего и выпрашивать я не стала. Засоби-ралась. День к вечеру уже шёл, а через лес не очень-то в наше время, хоть и за границей, идти охота. Это тебе не в советские времена, когда и в школу, и из школы полкласса через лес ходило, и зимой на лыжах до потёмок в лесу ошивались – никого не боялись, потому как никого бояться было и не надо. А сейчас...

– Пойду я, пожалуй, Валя. Поздно уже. Пока совсем

не стемнело, ещё до гостиницы дойти надо.

Не стала я говорить, что и в магазин ещё зайти надо, чтобы купить поесть чего-нибудь, и что сегодня уже на берег реки не получится сходить – в гостинице есть придётся.

Валька не уговаривала остаться посидеть ещё. Не предложила она и переночевать у неё. Да я и не осталась бы. Поняла, что подружки мои бывшие другими стали и сами даже не замечают этого.

Видно, не очень сладко им здесь живётся, – глубокомысленно заключила я, – а может, так уже теперь здесь принято: по-европейски.

Однако видя, что уже по-настоящему вечер на дворе, Валька предложила мне денег на такси, чтобы в потёмках я через лес не шла. А я и не отказалась: подруга она мне всё-таки. Хоть и бывшая...

Через день я уехала. И знала, что вряд ли когда ещё сюда приеду. Делать здесь было нечего – ничего прежнего от того городка, от той жизни, от тех людей и друзей больше не осталось. А о чём можно говорить с незнакомыми людьми. Вот-вот – о чём?

3.

О той своей поездке за прошедшие годы я не вспоминала. До этого дня. Надо же! Прошло восемь лет! Как катит время...

Были и электронные адреса бывших одноклассниц, и даже их литовские телефоны, но ни разу за эти годы я им не написала и не позвонила. Ещё тогда, когда обменивались адресами и телефонами, знала, что ничего из этого не выйдет: не будут они ей писать и звонить, и она им – тоже.

А вот сейчас, пожалуйста – вспомнила!

«И очень кстати, – подумала я, – как же раньше мне это в голову не пришло? Ведь тогда Валька очень хвалила мочегонные таблетки, благодаря которым похудела. И я это дело на себе испробую».

Подумав так, тут же твёрдо решила: «Всё! Именно так и буду худеть!» Как водится, сразу полезла в интернет. Поискала такие таблетки. Выбрала самые что ни на есть простенькие, с минимумом побочных эффектов. И начала принимать.

Нет, ничего такого зловещего я сразу не увидела на своем организме. Единственное, что похудеть – не похудела, только лицо осунулось, а вот под глазами круги нездоровые какие-то появились. Не видя положительного результата «похудеть», и отмечая перечисленные выше побочные неприятные эффекты, теперь я, тоже твёрдо, решила бросить эксперимент.

«Скорее всего, Вальке подошло, а мне – нет», – смирилась я с поражением. И бросила.

Но видно поздно – процесс был запущен.

Вскоре вдруг – ничего такого подобного в моей жизни

раньше не было – покраснели белки обоих глаз, а вслед за тем – воспалился левый глаз.

Вспомнила я про альбуцид – проверенное средство – в советские времена его и в глаза, и в нос от воспаления капали. Покапала его в глаза – всё прошло.

«Это все компьютер, – решила я, – надо поменьше в нём сидеть».

А как можно поменьше, если учить литовский надо, а там и словарь, и тексты всякие – в магазине ничего этого не купишь. Кроме того, вся информация нужная по жизни – тоже в интернете. А в него как залезешь, так время перестаёшь замечать. Словом, так и спустила всё я на тормозах. Это случилось весной. А осенью всё повторилось снова. Только теперь к воспалению глаз, на крыльях носа проступило что-то вроде болючих прыщей. Помазала прыщи йодом, покапала в глаза альбуцид. Вроде, прошло. А когда минусовые температуры пришли с ветром и снегом, снова пошли прыщи по носу, снова воспалился глаз. Но это было не всё – теперь к этой напасти добавилась ещё и слеза, вытекавшая из глаза всякий раз, когда я выходила на улицу.

Снова альбуцид, снова йод. Прошло. Но слеза, нет-нет, да вытекала.

Наступило лето и всё благополучно закончилось. Во всяком случае, мне так показалось. И я решила забыть об осенне-зимне-весенних глазных неприятностях.

Но вот снова пришла осень – всё повторилось опять.

На этот раз я решила идти к врачу.

– На что жалуетесь?

Мужчина, породный и очень мужественный, окулист районной поликлиники, спросил безразлично, и даже не глядя на меня, спешно что-то уже записывая в мою же историю болезни.

Я внутренне собралась, стараясь по возможности коротко (у них ведь, у врачей, – десять минут на пациента – я это точно знала), изложить суть вопроса. Но не успела открыть рот, как мужественный окулист строго и требовательно приказал, по-прежнему не глядя на меня:

– Садитесь, – и мотнул головой в сторону стула, такого специального, со всякими блямбочками для осмотра глаз.

Я закрыла рот и покорно взгромоздилась на этот стул.

Только теперь окулист посмотрел в мою сторону.

– Рассказывайте!

К этому моменту я уже поняла, что вряд ли такой мужественный и статный окулист станет выслушивать всю мою историю со слезой. Потому сразу в корне задушила насущную потребность излить тревогу о своём здоровье в белый халат врача и, проглотив обиду, робко посмотрела на доктора.

– Ну! – «подтолкнул» меня тот. – Рассказывайте!

– Слеза течёт, – сама страшно подивившись своему жалостливому тону, наконец почти проблеяла я.

– Слеза? Так зачем вы *ко мне* пришли? – недовольно

отреагировал строгий и мужественный мужчина-окулист. – Плачьте, если хочется! Слеза очищает. Зачем же к врачу? У меня, видели, сколько на приёме сидит? У всех проблемы со зрением. А вы – слеза!

Я растерялась. Задохнулась даже от его непонимания:

... – да-а-а, но у меня слеза... сам-а-а... течёт... когда на улицу выхожу, – совсем потерянно уже мычала я, боясь, что мужчина-окулист сейчас запросто попрёт меня из кабинета, и я так и не узнаю, почему – слеза, почему – сама, и как сделать, чтобы её не было.

Но тут окулист просиял:

– Да вы что?! Тоже слеза течёт?

– Течёт, течёт... тоже...

– И что – сама?!

– Сама, сама! – радостно закивала я, осознав, что, наконец, чем-то заинтересовала врача.

– Ну, тогда вы точно с этим ничего сделать не сможете! – воодушевлённо подвёл итог нашему диалогу окулист. – У меня тоже течёт. Сама! И, как врач, я вам только одно могу посоветовать, а именно – то, что сделал я, – купите нитяные перчатки, чтобы удобнее было слезу утирать! Нитяные.

Я застыла на этом продвинутом глазном стуле и «проглотила язык». Радости как не бывало!

Похоже, доктор снова увидел на моём лице так и не высказанное страдание и потому с ещё большим оптимизмом в голосе завершил:

– Да-да! Именно нитяные перчатки. Кожаные плохо впитывают.

Теперь он смотрел на меня дружелюбно, и, можно сказать, ласково, как на хорошую давнюю знакомую.

Я «отнемела», потерянно глянула на врача и всё же решила попытать счастья ещё раз.

– А... может быть... вы, всё-таки, посоветуете мне капли какие-нибудь, ...или... обследование? Уж очень неудобно... со слезой...

– Бесполезно! Поверьте мне, как специалисту! – всё так же воодушевлённо прогудел специалист по глазам. – Только нитяные перчатки! Только они!

Здесь он как-то поутих и обычным уже тоном, почти по-человечески, произнёс:

– Ну, а если справитесь со слезой какими-то средствами, милости прошу – приходите, расскажете.

– И... что... я могу идти? – всё-таки не поверила я.

– Идите, идите. Но если что – вы заходите, опытом, так сказать, поделитесь, – снова воодушевился специалист. – А то я и сам, честно сказать, уже порядком с этой слезой намучился, – на этот раз, словно извиняясь, признался он.

И я сползла с продвинутого глазного стула со всякими блямбочками для осмотра глаз, и проплелась к двери. Взявшись за дверную ручку, всё-таки с надеждой обернулась к специалисту – авось напоследок чем-то порадует.

Но специалист уже уткнулся в историю болезни очеред-

ного пациента.

– До свидания, – униженная и оскорблённая совершеннейшей ординарностью и не оригинальностью, как оказалось, своей проблемы, уныло произнесла я.

– Всего доброго, – мужчина, не поднимая головы, дружелюбно махнул рукой. Потом поднял голову, посмотрел на меня, снова улыбнулся как доброй знакомой, и повторил: – Приходите, если что, – и уже куда-то в пространство, безразлично добавил: – Скажите там – пусть следующий заходит.

Спустя время я нашла приемлемую для себя диету и приемлемый образ жизни, вследствие чего медленно, но верно, начала сбрасывать положенные триста-четыреста грамм в неделю и привела таким образом, постепенно своё тело в порядок.

А слеза так и текла – каждую осень и всю зиму. И мне пришлось купить нитяные перчатки.

30 января 2018

Санкт-Петербург.

Очищение от скверны

или

...две недели милосердия.

«Вот бы всегда так! – подумала я, вдыхая чистый морозный воздух. – Вот бы всегда так – больше мне ничего и не надо! Если бы...»

Я остановилась и осмотрелась вокруг.

Счастливые ребятишки с визгом носились по детской площадке. Те, что постарше, смело залезали на самый верх горка и самостоятельно катились с них вниз по отполированной поверхности неширокого желобка. Младшие дети, неуклюже переставляя ноги в широких, схваченных понизу резинкой непромокаемых шароварах, с лопатками и ведёрочками в руках расхаживали чуть поодаль. Когда кто-то из них пытался присесть для раскопок, дутые одежды непременно заваливали его набок, и тут же рядом с ним оказывалась мама. Она поднимала своего ребятёнка, ставила его, как матрёшку-неваляшку, на ноги, и тот продолжал своё блуждание по площадке до следующего падения.

«И что за детство у них! – с досадой, забыв на секунду о своём, вздохнула я. – На этой мизерной площадочке, под надзором, в этих ужасных искусственных одеждах! Засупонены по самое „не хочу!“ Понятно, почему из них потом од-

ни хилиятики вырастают!»

Я уже собралась продолжить путь, и... именно в этот момент ощутила, как первая слезинка нежно выплыла из глаза и покатилась по щеке.

Это и было моё «если бы...»

«Боже, как же мне справиться с этим!»

Слёзные железы теперь уже обоих глаз словно только и ждали этого крика моей души! Глаза мгновенно заволокло мокрым туманом, всё вокруг задрожало и начало преломляться – в такт дрожанию ещё не выкатившихся слёз. Площадка, дети, мамочки – всё ушло в белёсый туман.

Внутри тоже задрожало, и я так же мгновенно почувствовала себя очень, очень несчастной ...и одинокой... в этом мире...

«Боже, как же мне тяжело, – прислушалась я к своему внутреннему дрожанию, и мне стало не по себе. Но не стала я дальше жалеть себя: – Ни за что не сдамся! Ни за что! Обязательно найду выход! Не может быть, чтобы ни нашла причину этих слёз! Обязательно найду!» – И снова посмотрела вокруг.

Первые слёзы вытекли, и теперь интенсивность слезотечения чуть поубавилась. Нитяными перчатками, которые я всё же купила вскоре после посещения импозантного офтальмолога районной поликлиники, быстро промокнула мокрые щеки и двинулась в обход детской площадки, интенсивно переставляя палки для скандинавской ходьбы. Как

всегда после предательского момента уныния, и на этот раз пришёл энтузиазм. Не переставая бодро стучать палками по очищенному от снега асфальту дорожки, я так же бодро продолжила думать:

«Нет, должна же быть какая-то причина этих слёз! Ну, сосуды суживаются, ну... на холод аллергия... не то! Всё не то!»

Не в первый раз, выходя на улицу и непрестанно промокая затем глаза и щёки от солёной влаги нитяными перчатками, пытала я себя этими вопросами. И не в первый раз не находила ответа. А чем дальше продвигалась осень к зиме, и зима к своей середине, тем ужаснее становилась ситуация со слезами. Солёные горошины буквально сыпались из глаз уже спустя пару минут после встречи моего лица с улицей. Вот и сейчас я уже «рыдала», но храбро продолжала прогулку.

И вдруг – стоп!

От неожиданно пришедшей в голову мысли, я застыла на месте.

«Стоп! Ведь не зря говорят, что слеза очищает! И офтальмолог тот в поликлинике два года назад – то же самое сказал!»

Постояла на месте, проникаясь пришедшей мыслью... но дальше разум не двигался! И всё же: что-то совсем неуловимое, совсем-совсем призрачное, почти бестелесное, не имеющее даже массы мысли, – как мгновенный «чирк» по стеклу, – пришлось по сознанию, оставив обнадёживаю-

щий след на спасение.

«Что это? Что это было?»

Лихорадочное мышление заплесало, пытаюсь ухватить послевкусие промелькнувшего в глубине разума озарения.

«Спокойно! Иди дальше!»

Я двинулась дальше, автоматически цокая палками, перестав слышать, как те стучат по асфальтовому покрытию. Я смотрела внутрь своего разума и пыталась из его глубины достать ускользавшее...

«Подумай снова, что подумала до... – диктовала я себе в такт движению палок, которого сейчас совсем не чувствовала, – что там было?... что там было?..»

И, то ли размеренное движение руками, толкавшее палки, то ли свой собственный мерный шаг вследствие этого, но сознание прорезалось, и я остановилась, вспомнив.

«А! – „слеза очищает“ Так... очищает... очищает... очища-а-а-е-е-ет... От чего слеза может очищать? Думай, думай! – лихорадило разум, – от чего-то внутри себя... Так! Так! Думай! ...внутри себя... внутри себя... Ага... ведь слеза течёт *изнутри*... изнутри... так... Так! От чего же изнутри она может пытаться очистить меня?..»

И тут яркая вспышка озарила сознание:

«Боже! Ну, конечно! От СКВЕРНЫ!»

И я начала новую жизнь – жизнь очищения от скверны.

День первый.

Я стояла у окна на кухне и любовалась первозданной белизной выпавшего за ночь снега. Там, за окном, не только блистал снег, но и скромное зимнее солнце, явившее свой лик впервые за прошедшие два зимних месяца, розовело на стеклах окон домов напротив.

«Красота, да и только! Теперь начну жить и радоваться!»

Вхождение в новую жизнь потребовало от меня бескомпромиссного взгляда в глубины своего существа. Этот бескомпромиссный взгляд убедил меня, что пришедшее накануне днём озарение о скверне внутри себя, не расстроило и даже ничуть не огорчило! Как раз наоборот – почти счастье испытывала я теперь, впрочем, так же, как и в тот судьбоносный момент.

Потянувшись мечтательной улыбкой к солнцу, продолжила внутренний монолог: «Я распознала неприятеля внутри себя. Начало положено. Осталось теперь только выяснить, какой это неприятель, какую такую скверну я ношу в себе». Продолжая умиротворённо улыбаться, я перевела взгляд на укрытый девственным снегом газон под своим окном и увидела, как прямо по «первозданной, девственной белизне», импозантно одетая собачница выгуливает своё «чадо»! «Чадо» как раз в этот момент задрало заднюю ногу и облегчилось на ствол старой берёзы под моим окном.

На «первозданной и девственной» остался широко расплывающийся, тёмно-жёлтый след.

«Чтоб...!» – я с отвращением задёрнула занавеску. Умиротворения как не бывало.

Пришлось вернуться в комнату.

«Ну вот что за уроды! Обязательно нагадить нужно на светлое и чистое!»

Усевшись в кресло, я почувствовала, как раздражение начинает свою подрывную работу изнутри.

«Чтоб вас всех! – в сердцах обратилась я к невидимым собачникам. – Чтоб...» – и подхватившись из кресла, нервно начала перемещаться по комнате, стараясь при этом не глядеть в окно и справиться со вскипавшим в крови гневом...

...Постепенно эмоции приутихли. Я вернулась в кресло и всё-таки заставила себя обратиться к своему – к насущному.

«...и это, явно, не пищевая скверна, – продолжила я свои размышления, – нет-нет – это не пищевое... Я же веду здоровый образ жизни. Тогда... Что же тогда?..»

В комнате притемнилось. Это питерская пасмурность снова заволокла солнышко, и оно, похоже, решило не сопротивляться.

Не сопротивляться и не упорствовать больше решила и я. Совсем уже было собралась пойти чайку попить, как новая мысль заставила меня снова опуститься в кресло.

«Скверна-то эта, должно быть, таится в моём поведении! – подумала вдруг, – ... или в мыслях... Ну что ж! Тогда поглядеть за собой надо, – с облегчением, но, не переставая

при этом быть в тонусе, констатировала я. – Поглядеть надо, откуда у этой заразы ноги растут».

И стала я за собой «глядеть».

И доглядела-таки!

День второй... день третий...

«Пойду, пожалуй, почту гляну. Пора квитанциям за квартиру прийти».

Я накинула на плечи шаль и открыла дверь, собираясь выйти на лестничную площадку. А там сосед, как всегда, вонючую папироску смолит нещадно! И я уже было рот открыла, чтобы...

Раньше всегда в такие моменты не по-хорошему думала я о нём и замечание делала. Он даже вроде как бегать от меня начал: только увидит, что по лестнице поднимаюсь, или дверь из квартиры открываю – шашь в свою квартиру – только силуэт его мелькнёт, и лишь шлейф табачного дыма за ним хвост по подъезду распушит.

А тут прямо одёрнула я себя:

«Кто я такая, чтобы суд над ним судить, хоть и негласный. Есть управдом – пусть с ним и бодается! Не буду больше. Буду милосердней – пусть смолит, авось, закон до него сам доберётся».

Так и стала поступать.

Однако трудно мне поначалу пришлось мимо курильщи-

ка, не сделав замечания, проходить. Не так ведь советского человека воспитывали, чтобы всё за него государство делало! Тем более, что пока на улицу ни выйдешь – задохнёшься от дыма! А если в квартиру заходишь с лестницы – волосы и одежда успеют никотином пропитаться – так в квартиру и вваливаешься вся в дыму.

Но постепенно смирилась.

«Ну, вот. Милосердной хорошо быть – доброта в душе проклёвывается».

За это время ещё несколько вещей я за собой углядела.

Вот иду раньше, к примеру, через детскую площадку и все недостатки вижу: что плохо качели закреплены, что мамы за ребятёнками не следят, а те друг другу лопатками скоро глаза повыбивают, что ползает ребёнок несмышлёный по грязи и ручонки свои потом облизывает... да мало ли чего на площадке детской происходит. Раньше всегда обращаю внимание мамаш на все эти недостатки. А здесь иду, и про себя думаю:

«Милосердней надо быть. Кто меня назначил критикой заниматься? Сами они должны всё видеть. И детишки не мои, а ихние. Нечего мне совать свой нос в их дела».

И вроде легче на душе. Добро внутри себя чувствую.

Или ещё. Еду вот так в автобусе, или в каком другом городском транспорте и вижу, что пакет, вроде, бесхозный на переднем сидении лежит. Постою так остановку-другую и понимаю, что кондукторше тот пакет «до фени». Тогда

не выдержу (ведь повсюду предупреждают граждан быть бдительными), спрошу у кондукторши – чей пакет. Та глянет на меня недовольно, иногда и пробормочет в мой адрес нелицеприятное, вроде «какое ваше дело», и идёт с неохотой вперёд, к пакету. Постоит чуть, вроде – понаблюдает, и так же с неохотцей, безразлично, спросит в пространство – чей пакет. И если находится владелец, совсем забывший о своём добре и уже собирающийся на выход, укоризненно глянет в мою сторону и покачает головой – зачем, мол, зазря её, кондукторшу, гоняешь по салону? И мне и вправду неловко становится. Но понимаю, что правильное дело сделала: на этот раз – чей-то (пакет), а в другой раз...

Но как только решила я по новой жизнь жить, так еду и терплю, страх от себя гоню, что пакет-то, может быть, не простой... Или, не выдержав близкого соседства с тем пакетом, на следующей остановке выйду и в другой транспорт сажусь. И думаю: «Так-то лучше. Глядишь, от скверны и очищусь... Хватит непорядком всяким вокруг возмущаться и людям замечания делать. Пусть ими кто следует, занимается. Милосердием и добротой лучше душу свою наполню».

На собачников опять же, с их «чадами», изгадившими весь близлежащий сквер и газоны вокруг домов под окнами, теперь тоже старалась не чертыхаться.

«Найдётся управа и на них. Не мои это заботы!»

А сама тем временем слежу за тем, как это на слезотече-

ние влияет – моя новая добрая позиция по жизни.

И да, поначалу показалось, что изменения к лучшему появились. Неясно только было – то ли новая позиция моя стала сказываться, то ли погода изменилась – потеплело. Но, как бы то ни было, а когда теперь я выходила из дома, слеза не текла – как прежде – сразу же, – а только чуть погода.

«Ну, хотя бы так, – тихо радовалась я, – хотя бы так. Может, всё и образуется».

Однако радость, хоть и тихая, была не долгой. Спустя несколько дней всё вернулось на круги своя по полной силе – только выйду я на улицу и порадуюсь жизни без слезы, а та – тут как тут.

И всё началось сначала: солёные горошины из глаз и – по щекам, нитяные перчатки... и... ощущение потерянности и одиночества.

Ох, и запаниковала я! Настроение вконец испортилось, депресняк накатил, какого раньше за собой не замечала. На улицу несколько дней носа казать не хотела – о здоровом образе жизни забыла.

Но опять же – не такой у меня характер, чтобы всё на самотёк снова пустить!

«Нет, буду продолжать! – решила. – Дольше надо милосердной быть. Критикой, даже в мыслях, недостатков всех этих, не заниматься».

И продолжала я милосердствовать, не теряя надежды. Прошло несколько дней... и ещё несколько...

Слёзы текли ручьём...

День шестой... день седьмой...

В очередной раз, выйдя на улицу и залившись слезами, я просто уже не выдержала и, задрав голову вверх, возопила всем своим нутром:

«Господи, помоги очиститься от скверны!»

И ещё раз:

«Господи, помоги очиститься от скверны!»

Поток слёз как будто замедлился.

«Значит, слёзы – это божье испытание», – заключила я и тут вспомнила рассказ какого-то великого артиста, как он, после нескольких лет попыток поступить в театральное училище, пришёл в церковь, и стоя у иконы, с таким чувством прошептал просьбу о помощи поступить, что, как считал он и по сей день, только эта, выстрадано произнесённая им просьба, и сыграла решающую роль – его таки приняли в театральное.

Потому на следующий день я снова начала прогулку с молитвы, и мне показалось, что как будто полегчало.

Теперь, каждый раз выходя на улицу, я сразу же, не дожидаясь появления слезы, настраивалась на бодрый лад и с первого шага начинала чеканить:

«Господи! помоги! очиститься! от скверны! Господи! помоги! очиститься! от скверны!»

Эта чеканка делала мою прогулку более весёлой, насыщенной эмоциями и не давала заикливаться на неудобствах слезотечения, которые всё-таки возникали, хотя вроде и не так, как раньше. И я начинала напевать полупшепотом, перевирая слова, опять же в такт движению палок:

– Ра-а-дуйся солнцу – ляля! Ля-ля, ля-ля, л-я-я-я-ля, ля-ля! Ля-ля, ля-ля, л-я-я-я-ля, ля-я-я-ля, л-я-яля-ля...

Ну, и так далее в том же духе.

Однако по сути, и в этом мне пришлось через пару дней признаться самой себе, ничего не изменилось – слёзы, как катились градом, так и продолжали катиться, застилая всё вокруг меня полупрозрачным белёсым маревом... Только сейчас я их просто не промокала.

Но не переставала молить того, кто выше – ведь капля камень точит.

«Что-то здесь не так! – пыхтела я, забираясь на небольшой заснеженный курганчик посередине парка в очередной прогулочный день. – Что-то в моей мольбе не то... сама ведь чувствую, что... ну, что-то не так! Надо, в конце концов, с этим разобраться!»

Что «не то» и «не так» было в моём обращении к Нему, я никак не могла уловить. Но что-то явно раздражало даже меня саму в этой молитвенной «маршевой песне».

«Подумай! Постой и подумай! – приказала я себе, добрав-

шись до макушки курганчика, и снова промокая нитяными перчатками глаза. – Не торопись! Повтори ещё раз: «Господи, помоги очиститься от скверны».

Я повторила, опять почувствовала что-то «не то» и обвела затуманившимся взглядом открывавшиеся сверху окрестности. Тоска одиночества вот-вот должна была вновь накрыть меня. Стараясь проморгаться от слёз, я захлопала ресницами, всматриваясь в даль.

«Смотри, какая красота вокруг... Божий дар, да и только...» – уныло подбодрила я себя.

И тут, как всегда, меня словно свыше, тюкнуло!

«Ну-ка, повтори, что ты там просишь?! – с вновь открывшимся энтузиазмом потребовала я. – Господи, помоги очиститься от скверны? – и мгновенно с презрением вынесла себе приговор: «Бессовестная!»

Вот, что было «не так» и «не то» – в моей мольбе звучал, прямо сказать, некий паразитизм! и даже иждивенчество!

Я аж задохнулась от неожиданности, и весь мир вокруг меня сызнаова потерял красочность и притягательность.

«Сама в себе скверну развела, а Его просишь тебя очистить...» – поникнув, пристыдила я себя и постояла так, опустив голову, проникаясь сознанием собственной неполноценности... Но вслед за тем вскинулась – даже палками пристукнула по снежному настилу – и почти в голос, с напором, произнесла:

– Нет уж, сама давай трудись! Сумела испачкаться, сумей

и очиститься! Нечего клянчить у Господа!

И, как бы примеряясь к новой эмоции, громко, вслух произнесла не молитву, а просьбу:

– Господи, помоги *найти путь к очищению*.

И далее последовало моё твёрдое обещание:

– ...а уж дальше я сама его пройду, это очищение!

Возбуждение забило через край! Теперь я не могла устоять на месте! Энергично размахивая руками, бегом спустилась с курганчика, вышла на очищенный от снега асфальт дорожки, и звонко отбивая такт наконечниками палок по ней, быстрым шагом продолжила путь, через каждый шаг твердя про себя истово и с чувством, и проверяя себя при этом на искренность, для чего затаённым внутренним взглядом как бы присматривая за своими интонациями:

«Господи, помоги очиститься от скверны, – и мгновенно исправлялась: – Помоги найти путь очищения».

После этого, как само собой разумеющееся, следовало заключение: «А дальше я сама его уже пройду».

И заключение это было таковым не оттого, что слишком много я на себя брала. Нет, совсем нет! Ведь решила же я ранее, что хочу сама исправиться и только для того, чтобы ЕМУ не показалось, что какая-то я нахлебница: натворила дел, а теперь, видите ли, исправляйте за неё её грехи! Нет! Сама натворила, сама и исправлю!

Такой вот честной и порядочной я была.

...И снова прошло несколько дней...

К Нему я больше пока не обращалась – утвердиться надо было в милосердии и доброте душевной, потому как не узрела пока другой дороги для себя к очищению, кроме как через эти две добродетели.

День четырнадцатый... завершающий.

В вагоне подземной электрички было не продохнуть!

Час пик. Народу – море! Толкаются, снуют, бегут, вокруг себя не смотрят! Садам и Гоморра!

Однако место для меня в уголочке вагона нашлось. Села. Покой в душе держу, тишину и умиротворённость в себе стараюсь не растревожить.

«Не буду внимания ни на кого обращать. Хоть и запахи от мужик... ой! – мужчин неприятные... а тётки, ой, грешна! – женщины-то, женщины! Но все они люди, все – человеки. И метро тебе не частный транспорт. По сторонам не смотри. Сиди и терпи. Все терпят».

Успокоила я себя так и в книжку умную уткнулась.

А народ валит и валит! И вот уже всё пространство передо мной заполнилось стоящими плотной стеной телами.

Я сидела, опустил глаза в книгу, стараясь не проникаться теснотой, запахами, чёрно-белыми и серыми унылыми красками одежд...

На очередной станции дверь вагона открылась и закрылась, произошло движение и перемещение тел, и прямо пе-

редо мной, сверху, навис тёмный силуэт. В следующее мгновение у себя над головой я услышала громкий характерный звук втягивания носом соплей, а вслед затем, оторвав взгляд от страниц книги, я увидела грязные истоптанные ботинки, грязно-синие брючины со вздувшимися пузырями на коленках и низ затёртой до жирных пятен, непонятного цвета куртки.

И ощутила запах!

Я вся напряглась: «Всё! Это мой конец пришёл! Не выдержу!» – и снова услышала характерный звук втягивания соплей.

Книга была забыта. Я сидела, заведённая как пружина, готовая сорваться в любой момент, но, не давая выхода этому напряжению, от станции к станции чувствовала себя всё более обессиленной и опустошённой. А сморчки и бульканье соплей над головой продолжались.

Понимая, что единственный выход для меня – это и есть выход (из вагона), я не двигалась с места. Понимая, что надо встать, протолкаться сквозь стоящую один к одному плотную стену тел и выйти на следующей же станции, я почему-то по-прежнему продолжала сидеть, с ужасом ожидая следующего сморчка. Запах уже не имел значения.

Тут в голову пришла спасительная мысль. Я подумала: «Прояви милосердие к бедняге. Беженец наверняка с Украины».

И в это время «бедняга» чихнул. Прямо на меня. Движе-

ние микробного воздуха ласково тронуло волосы на моей макушке.

– Рот прикрой! – рывкнула я, не сдержавшись, и подняла, наконец, глаза на «беднягу».

Это и впрямь был бедняга лет тридцати пяти: измождённое серое лицо с грязной щетиной, ввалившиеся глаза, задремало и одновременно заискивающе взирающие на мир, всклокоченные слипшиеся волосы и красный воспалённый нос. Он как-то полупридурковато, без тени смущения глядел на меня, и почти улыбался.

– Я сказала – рот прикрой, когда чихаешь! Ты же среди людей! – не сдавалась я. А он продолжал глядеть на меня с придурковатой усмешкой, и все стоявшие вокруг пассажиры с осуждением смотрели на... нет, не на него! – на меня!

Я растерянно оглядела толпу. Неподалёку стоявшая молодая женщина, судя по внешнему виду – тоже приезжая, глядя на меня, во всеуслышание поучительно произнесла:

– Сейчас же эпидемия! Что вы хотите? Все чихают и кашляют.

Вокруг одобрительно загалдели и закивали.

А «бедняга» снова чихнул и громко втянул в себя очередную порцию соплей.

Мне захотелось крикнуть им во весь голос: «Так потому и эпидемии, что все вы такие!» – но я лишь молча достала из кармашка сумочки пачку вкусно пахнущих ромашкой бумажных салфеток и протянула беженцу.

– На, высморкайся.

Тот захлопал глазами и глупо улыбнулся:

– Спасибо!

И громко высморкался в салфетку. Потом начал наклоняться ко мне, всё ближе, ближе, и пытаюсь схватить меня за руку, затараторил:

– Извините меня! Я больше не буду!

А я всё острее чувствовала тошнотворный гриппозный его запах – запах грязных соплей и невыхарканной мокроты!

В панике я выкрикнула:

– Отойди! – и, расталкивая толпу локтями, кинулась на выход.

К счастью, электричка уже подходила к станции. Двери открылись, и я с облегчением выскочила на платформу.

«Надо было сразу выйти, а не сидеть и терпеть, как последняя дура!» – в сердцах обругала я себя. И эта мысль, и даже не столько сама мысль, сколько сила эмоционального несогласия со своим предыдущим сидением и терпением, поразила меня саму.

«Это что же получается? Я позиции свои сдавать начинаю? А как же милосердие? Как же очищение от скверны через доброту?»

И тут я заново в одну секунду снова пережила ощущение скверны – самой настоящей скверны, не ментальной, не мысленной там какой-то, а вполне себе физически ощутимой, которая сверху – из носа, изо рта того «бедняги», от него

всего, такого вонючего и падшего, выливалась на меня в течение десяти минут!

Тело передёрнуло от отвращения, и я подумала:

«Странно. Как только я начала проявлять милосердие и доброту, чтобы избавиться от какой-то *мифической* скверны внутри себя, мир, в лице этого вонючего человечка, словно решил поиздеваться надо мной: а на вот! получай настоящую скверну!

...Это что же получается?..»

Ответа не было. Но было чувство, что надо мной реально «кто-то» решил поиздеваться. Однако сейчас же откуда-то сверху пришло спокойное чувство завершённости:

«А всё-таки хорошо, что дала ему эти салфетки, – подумала я. – Надо было сразу ему их дать, чтобы высморкался. Потом встать и выйти. ...А не сидеть и терпеть...»

Дождавшись следующей электрички, я продолжила свой путь...

В этот же вечер...

Усталая, но очень довольная проведённой деловой встречей, я вошла в полупустой вагон последней в этот день электрички метро, и уселась на сидение по центру.

В боковых «рукавах» вагона дремало несколько человек. Только довольно молодая женщина, очень полная и уже с двойным подбородком, одетая в поношенную болонье-

вую куртку 80-х и узкие джинсы, которые позволяли ей демонстрировать добротные ляхи, читала электронную книгу. Скрючив под сидением ноги в разношенных, бывших когда-то белыми, кроссовках, она лениво проводила пальцем по монитору, перелистывая очередную страницу.

Двери, как раз посередине вагона, где умиротворённо присела я, приготовившись тоже подремать, уже собирались поехать встык. В этот момент внутрь вагона буквально впрыгнули двое. И не одни.

Первый, очень худенький, в узких советских трико, обвисших на коленях, и таких же, почти советских, спортивных тапочках, в растянутой, неопрятной, вылинявшей футболке. Лет семнадцать.

Второй поплотнее – в таких же трико и тапочках, но в облегающей спортивной майке. Почти новой. Лет двадцати. В руках он держал усилитель звука, который тут же бесцеремонно поставил на пол рядом со мной и включил.

Электричка тронулась, и одновременно с этим из динамика усилителя раздался дикий барабанный бой.

Что тут началось!

Я ещё не успела опомниться от звукового удара по голове, как мимо меня промчался первый заморыш, и в прыжке, метнув ноги у меня перед носом, перевернулся через голову и тут же метнулся назад, подпрыгнув снова и сделав сальто-мортале снова прямо передо мной – и вновь, в опасной близости от моего лица, просвистели его ноги.

Пахнуло...

Я отшатнулась, но в следующий момент первый схватился за руки второго, и они вместе, под непрекращающийся барабанный бой, сделали какой-то совершенно немыслимый пируэт в виде перевёртыша в пространстве, используя при этом ещё и боковой поручень рядом со мной.

Я застонала и закрыла глаза...

И так и просидела до следующей станции с заложенными ушными перепонками и ощущая на своём лице взмахи крыльев тягучего воздуха с запахом потных тел и ног акробатов, пока эти двое пришельцев, наконец, в последний раз ни схватились в кульбите и ни вымелись затем из вагона вместе со своим барабаном – ведь их «с нетерпением» ждал следующий полупустой вагон и его, решившие подремать, пассажиры.

Открыла глаза.

В левом «рукаве» вагона по-прежнему сидела любительница электронных книг и всё так же невозмутимо, не отрывая глаз от электронных страниц, лениво проводила по монитору пальцем, переворачивая их. Казалось, что она даже не заметила ни появления, ни исчезновения прыгунов.

Больше в вагоне никого уже не было.

«Ну почему! Почему именно напротив меня?! Почему ни напротив этой тётки? Почему вообще в вагоне метро?! И почему именно сегодня?! Сначала харкающий бомж, теперь акробаты из подворотни! И это Санкт-Петербург?!»

Ощущение начинающейся истерики заставило меня остановиться в своих «почему». Вместе с тем во мне всё сильнее поднимался протест против... скверны ИЗВНЕ, которая вместе с поведением людей так и сочилась из всех щелей внешнего мира большого города, так и предьявляла себя, совсем себя не стесняясь.

Такого одновременного натиска непристойности, как в этот день, я ещё никогда не испытывала в своей жизни.

«Кажется, я всё-таки что-то делаю не так. Не по тому пути иду. Иначе откуда этот натиск? Испытание на прочность? Не хочу я такого испытания! И без этого – всякого в жизни хватает!»

...Я уже шла к остановке. По-прежнему воздух был морозный. Молодой месяц игриво наклонился ко мне с небосклона. Ветви деревьев, все в инее, на фоне темного неба, подсвеченные уличными фонарями, создавали сказочное пространство, делая его ажурным и полупрозрачным.

«Милосердие и доброта, – подумала я. Остановилась и поглядела вокруг. Улыбнулась месяцу. – Вот это и есть милосердие и доброта. А я? А мне?.. что-то непохоже, что моё добровольное подвижничество в этом направлении сработало. Что-то совсем наоборот. ...Похоже, от меня Он ждёт чего-то другого...»

И только сидя в автобусе, я вдруг осознала, что глаза и щёки у меня на этот раз были абсолютно сухими.

25 января-25 февраля 2018

Санкт-Петербург.

Возьми лопату! – или – Вот были мужики!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ВОЗЬМИ ЛОПАТУ!»

«Вот оно – простое счастье! Пей себе водичку с отрубями с утра – и будет тебе благодать!»

Я почувствовала, как тёплая приятная влага наполнила рот, нежно прикоснулась к верхнему нёбу и языку, затем, при помощи глотательного движения, блаженно проплыла по гортани и заструилась по пищеводу... и... затихла где-то... В это время моё внимание привлекло какое-то движение за окном.

Со второго этажа мне хорошо была видна проезжая часть. На этой стороне, то есть ближе к моему окну, длинный и очень худой, с телом в виде буквы «зю» молодой человек лет тридцати, лениво суетился около темной «Ауди».

Парень то отходил от машины на пару шагов и пристально смотрел на своё «сокровище», то подходил к нему вплотную и нежно касался лобового стекла; потом снова отходил на шаг и вновь приближался, всматриваясь в переднюю дверцу и трогая её рукой. Он не выглядел нервным, скорее – в ме-

ру заинтересованным, и чувствовалось, что он покуда никому не торопится.

Рядом с ним, на невысоком, буро-грязном искусственном пригорке, созданном грейдерами, до этого утюжившими проезжую часть несколько дней подряд, стояла щуплая девушка в голубой короткой, до талии, курточке и чёрных трико в обтяжку. На ногах у неё шевелили мехом невысокие модные ботики. Руки она глубоко засунула в карманы, а голову втянула в плечи.

Ей явно было неуютно на этом пригорке, но она стояла неподвижно и совершенно безучастно взирала на телодвижения своего приятеля возле машины.

«Да-а-да! – протянула про себя я. – В наше время в этом возрасте у них уже было бы двое детишек и они прекрасно обходились бы без машины. А у этих – машина уже есть, а до детей и семьи – как от Питера до Владивостока. Стоит эта „Щуплая“ и даже на проблемы партнёра по сексу безучастно зрит – какая из неё мать!»

Я намеревалась уже было отойти от окна, к тому же и стакан с водой был выпит, но тут парень покинул «Ауди» и приблизился к стоявшей тут же рядом другой машине – маленькому грузовичку, открыл дверцу его кабины, покопался там и вернулся к легковой машине с тряпкой и бутылкой-пульверизатором в руках.

«Ага! Замок замёрз. Будет сейчас брызгать на него», – констатировала я и снова хотела отойти от окна, но поче-

му-то мне стало любопытно. Что-то во всём облике этого парня с фигурой буквой «зю» и в этой Щуплой было такое, что заставило меня остаться у окна и продолжить наблюдение. И интуиция не обманула – на протяжении следующих сорока минут на моих глазах развернулось целое представление.

Сначала парень неторопливо брызгал на дверцу, на стёкла, на капот и крышу машины и так же неторопливо, с ленцой, тёр всё это тряпицей, а девушка всё так же, в виде изваяния, стояла на буераке и ни разу не пошевелилась.

«Дурак совсем! И зачем льёт и трёт? Скребок и щётка для этого есть, – недоумевала я, наблюдая за его неспешной суетой. – И где только его учили?»

...Прошло пятнадцать минут... (я для этого специально засекала время).

Парень по-прежнему «ублажал» машину при помощи размораживающей жидкости. За этот временной период он не только справился-таки с замком, но и отёр от наледи стёкла, капот и верх машины.

«Настырный», – одобрила я его и не отошла от окна.

Наконец, а время всё неумолимо тикало, он удовлетворённый, но тоже как-то без особых эмоций, влез в машину, и из выхлопной трубы повалил белёсый пар.

«Справился-таки! А в наше время мужики без всяких таких наворотов жидкостных и в минус двадцать пять машины заводили! – с гордостью за своих мужиков и со снисходи-

тельностью к этому „Зю“ качнула головой я. – А Щуплая-то всё ещё не поменяла своего местоположения! Гляди-ка, она и позы изваяния не поменяла! Застудилась совсем, что ли?»

Я перевела взгляд на машину. Из её выхлопной трубы валил белёсый пар, а она юзала взад-вперёд по проезжей части, но с места не двигалась.

По тому, как машина двигалась, было понятно, что изрядно застопорено заднее правое колесо.

«Подкопать придётся. Иначе не вырулит», – снова констатировала я.

В этот момент рядом со Щуплой возникла здоровенная тётка в шубе до пят и с большим капюшоном. За руку она держала девочку лет семи-восьми.

Щуплая никак не отреагировала на появление новеньких.

С видимым трудом, стараясь как можно выше поднимать ноги, «Шуба» принялась перелезть через буерак на проезжую часть к машине, а девочку оставила стоять на буераке.

Парень, завидев Шубу, вылез из машины, а та, перевалив через препятствие, протопала к парню, что-то сказала ему, фамильярно толкнула в бок и тут же закурила. После этого они вместе принялись оглядывать машину и кивать головами видимо соглашаясь друг с другом.

«Ещё одна „курилка“! – с отвращением подумала я, прямо всем своим существом ощущая на расстоянии удушливый смрад никотина. – Ещё и при ребёнке смолит!»

Тем временем посоветовавшись с Шубой, парень, наконец,

посмотрел на Щуплую, и что-то ей сказал. Та неуклюже и очень неохотно сползла с пригорка и встала рядом с Щубой. Они обе уставились на парня. Тот развернулся, залез в машину, взялся за руль и...

Машина немного покачалась взад-вперёд, выбрасывая из-под себя обильные клубы всё того же белого дыма, и осталась стоять там, где и стояла. Затем снова обильно задымила трубой и покачалась взад-вперёд... Снова задымила...

Парень вылез на проезжую часть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.